

КОМИССАР РЕЙНСКОЙ АРМИИ

Авторизованный перевод с немецкого Я. Рецкера

Новый мир. 1939. № 8. С.121-141

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*; Юрий Карякин, редактор сайта *Великая французская революция, 2003*
Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны ред. *Vive Liberta*

Париж 1793 года был пылающим горном революционных страстей. В дни Величайшей опасности фанатическая преданность свободе разгорелась в народных массах с небывалой силой. Революционный трибунал работал дни и ночи напролет, опуская нож гильотины на головы врагов народа.

Период кровавого террора, — говорили противники революции. Так это и было на деле — для них. Но за все годы революции человеческих жизней погибло меньше, чем за любое сражение эпохи наполеоновских войн. Республика была вынуждена прибегнуть к террору, ибо ее враги — внутри и вне Франции — напрягли все силы, чтоб ее уничтожить. Англия, Австрия, Германская империя, Голландия, Испания, Сардиния, Тоскана вступили в заговор против революции и двинули войска к французским границам. На Рейне, в Бельгии, в Альпах, в Пиренеях закипела ожесточенная борьба. Англо-испанский флот блокировал берега Франции.

Революционное правительство поднимало массы на борьбу и направляло их революционную волю к единой цели. Республика терпела поражения; не раз она была на волосок от гибели: австрийские армии вторглись во Францию; прусские войска, заняв Майнц, перешли Рейн; англо-испанская армия высадилась в Тулоне. Добрых две трети Франции были в руках роялистов и мятежных жирондистов. Но республиканцы не падали духом: исполненные яростной решимости отстаивать свободу, они показали миру чудеса революционной энергии.

Якобинское правительство создало подлинно народную армию, послало лучших своих представителей комиссарами в войска, образовало революционный трибунал и беспощадно расправлялось с предателями, трусами и генералами, подготовлявшими поражение республиканских войск.

Сотни тысяч граждан покидали Париж, устремляясь к границам, на борьбу с подавляющим своей численностью врагом. Они шли на смерть, чтобы спасти республику. Не было ни хлеба, ни топлива, ни одежды. Голодные, разутые, полуодетые, шли французские волонтеры на отборные армии Австрии и Пруссии, Италии и Испании и... били их! Враги революции — и внутренние, и внешние — были разгромлены. Золотыми буквами вписан 1793 год в историю человечества.

Среди ожесточенных боев 1793 года руководимый якобинцами Конвент провозгласил демократическую конституцию, даровал гражданские права всему населению Франции, без различия расовой принадлежности и вероисповедания, запретил торговлю неграми и возвел в закон республики знаменитые добавления Робеспьера к «Декларации прав человека и гражданина», гласившие: «Все народы — братья и должны помогать друг другу, как дети одной нации. Те, кто угнетает народ, становится врагом всех народов. С теми, кто навязывает народу войну, чтобы воспрепятствовать победному шествию свободы и уничтожить права человека, все народы должны бороться не только как с заклятыми своими врагами, но и как с гнусными убийцами и мятежными разбойниками».

В то самое время, когда весь французский народ ошетинился штыками, когда со всех сторон республике угрожали враги, Конвент вводил бесплатное обучение, открывал музеи и музыкальные академии, укреплял государственные финансы, сооружал телеграфную сигнализацию, учреждал госпитали и приюты для сирот, стариков и инвалидов. В период господства якобинского Конвента Франция была не только горнилом свободы, но и кузницей цивилизации.

Поздней ночью, в октябре 1793 года, по опустевшим улицам Парижа шагало два человека. Они шли молча, не спеша, словно хотели впитать в себя всю свежесть этой осенней ночи после многочасового совещания в Комитете общественной безопасности. Один из них — в напудренном парике — шагал напряженным размеренным шагом, держа тонкую трость в одной руке и шляпу с высокой тульей — в другой. На нем был голубой длиннополый сюртук с высоким воротником и гофрированным жабо, светлые панталоны, белые чулки и изящные башмаки с пряжками. Другой — лет на десять моложе — был в простом коричневом сюртуке и сапогах до колен. Густые темно-русые волосы длинными прядями падали ему на затылок. Это были Максимилиан Робеспьерⁱ и Антуан Сен-Жюст — самые влиятельные деятели революционной Франции.

Робеспьер посматривал на узкие, вытянувшийся к небу силуэты домов. В их темных трущобах на куче тряпья или на мешках, набитых соломой, вповалку спали бедняки. Вражеский флот блокировал побережье. Спекулянты внутри страны скупали и прятали хлеб. Хлеба не хватало. Мясо стало большой редкостью. Но в бедняках пробудилось сознание человеческого достоинства. Они глотнули воздуха свободы и почувствовали свою силу... «Будь же тверд и могуч, народ, и ты станешь на вечные времена свободным и счастливым», — мысленно произнес Робеспьер. «Будь грозой всех тиранов... Тебе, народ Парижа, французский народ, дано осуществить надежды всего человечества!».

Мыслями Сен-Жюст оставался на совещании Комитета общественного спасенияⁱⁱ. Доклад военного министра Карно внушал серьезную тревогу. Рейнская армия терпела поражение за поражением. Сен-Жюст не сомневался: предательство было причиной неудач. А Карно говорил только о слабости, о неспособности отдельных людей в рядах республиканской армии. Сен-Жюст не мог удержаться от восклицания: в известных условиях слабость и неспособность равносильны измене! Ничто не раздражало его так, как молчание Робеспьера. Неужели и Робеспьер поддался слабости? Почему он защищает Дантона, который издевается над Комитетом и народом? Почему щадит Демулена, который поддерживает тайные сношения с жирондистами? Демулена, чье перо брызжет ядовитой злобой? Почему оберегает Эро де Сешеля, который срывает работу Комитета и открыто противится назначению комиссаров в армию?

Антуан Сен-Жюст высоко ставил Максимилиана Робеспьера. Для него Робеспьер был душой и мозгом революции. Только с ним он считался, только к его голосу прислушивался. Но слепо подчиняться каждому его слову Сен-Жюст не мог.

За всю дорогу они не проронили ни звука. Они медленно шагали рядом; им было по пути: жили соседями на улице святой Анны. У дома, где Сен-Жюст снимал меблированную комнату, он протянул руку другу, но тот, улыбаясь, спросил:

— Не помешаю, если зайду к тебе ненадолго?

И медленно стал подниматься по узкой лестнице за Сен-Жюстом.

Сен-Жюст зажег лампу. Робеспьер опустился в мягкое кресло. Его друг в изнеможении бросился на постель. Помимо кресла и кровати, в комнате были: огромный, простой поделки шкаф и маленький столик, беспорядочно заваленный грудой газет и бумаг. Над кроватью висел гравированный на меди портрет Руссо и эстамп с изображением распятого на кресте Спартака.

— Мы удовлетворим желание Карноⁱⁱⁱ и призовем к оружию еще триста тысяч человек, — спокойно произнес Робеспьер, как будто их разговор не прерывался.

— Против этого возражать не приходится, — так же спокойно отвечал Сен-Жюст. — Но победа зависит не только от численности наших войск и дисциплины. Победу решает республиканский дух армии. Только верные республике вожди могут вести вперед всех и революцию.

Вилли Бредель

КОМИССАР РЕЙНСКОЙ АРМИИ

Авторизованный перевод с немецкого Я. Рецкера

Vive Liberta и Век Просвещения

ⁱ О Робеспьере см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#M>

ⁱⁱ М.Булазо. Комитет Общественного спасения: http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_66_CPS.htm.

ⁱⁱⁱ Лазар Карно контролировал военное министерство, затем военную комиссию Конвента. О нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carnot>.

— Выходит, ты не слишком боишься коалиции европейских монархий?

— Я опасюсь одного, — с холодной решимостью сказал Сен-Жюст, — я опасюсь, что силы французского народа не будут подвергнуты врагами достаточно серьезному испытанию. Я опасюсь, что враги не окажут нам мощного сопротивления. Только преодолевая его, народ сумеет разрубить все узлы.

— Будь у армии вожди, стоящие столько же, сколько и наши солдаты, Европа давно была бы разбита. В рядах армии немало таких вождей. Вы не умеем их отыскивать, не даем им проявить себя.

— Остерегайся генералов!

— Положись на комиссаров, — возразил Сен-Жюст, — Они держат меч революции над генеральскими головами.^{iv}

— Бывают обстоятельства, когда слабость и неспособность равносильны измене, не так ли? — с улыбкой повторил Робеспьер слова Сен-Жюста. — Комиссары Мило и Лакост не оправдали себя. Они не справляются с Пишгрю. Генерал не только водит их за нос, но помыкает ими.

— Заменим их лучшими.

— Кем?

— Мной.

Сен-Жюст, встав, пристально посмотрел на друга.

Робеспьер молчал. О нет! Сен-Жюст нужен ему самому. Нужны его твердость, его энергия, его непоколебимая решимость, не боящаяся препятствий. «Дерзайте!» — призывал он с трибуны Конвента. Дерзайте! В этом слове — вся политика нашей революции. Робеспьер знал, что, имея рядом с собой Сен-Жюста, ему будет легче дерзать. Дерзать и добиться победы.

II

Спустя несколько дней Конвент постановил: послать комиссарами в Рейнскую армию Сен-Жюста и Леба, предоставив им неограниченные полномочия.

Комиссары немедленно тронулись в путь.

В дорожной карете Сен-Жюст набросал первое воззвание к солдатам. Он прочитал его Леба. Комиссары принялись обсуждать стоявшие перед ними задачи. Леба, преданный монтаньяр и доверенный Робеспьера, был человеком честным и добросовестным, но слишком осторожным, даже медлительным.^v Он был старше Сен-Жюста, и Робеспьер надеялся, что Леба будет сдерживать решительного, подчас чересчур стремительного Сен-Жюста.

Леба подумал: пожалуй придется стусеваться перед кипучей энергией этого юноши, который всего несколько лет назад писал стихи. Леба смотрел на него с неподдельным восхищением. Сен-Жюст не был сведущ в военном деле, но это нисколько не смущало. Он знал свой долг, знал, чего хочет. Взглянув на Леба, Сен-Жюст сказал:

— Революцию не делают наполовину. Те, кто пытаются ее остановить, роют себе могилу. Я верю, мы призваны изменить лицо Европы. Лишь освободив народы Европы, мы обретем безопасность.

Сен-Жюст, вынув пистолет, стал проверять упругость взвода, любовно поглаживая золоченую оправу приклада.

— Подарок Максимилиана, — произнес он, заметив, что Леба следит за ним. — Он отпустил меня, скрепя сердце. Спокойная, мечтательно-счастливая улыбка тронула губы Сен-Жюста. Он вскинул взгляд на Леба: — И все-таки, мне кажется, он меня недооценивает. Политика и война, говорит он, вещи разные. Это верно, но они неотделимы друг от друга.

Леба изумился. Он знал о дружбе, связывающей Робеспьера и Сен-Жюста, но никогда не думал, что жесткий и замкнутый в себе Сен-Жюст способен на открытое проявление дружеских чувств. Сен-Жюст любил сестру Леба Генриэтту, но никогда не говорил о своем чувстве. В эту минуту Сен-Жюст, баловень судьбы, государственный

^{iv} Об институте комиссаров (представителей народа) при армиях в эпоху Великой французской революции см., напр., А.Дживелегов, «Армия Великой французской революции и ее вожди»: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf.

^v О Филиппе Леба: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#flb>.

деятель с ребячески нежным лицом и железной энергией борца, показался ему достойным восхищения больше, чем когда бы то ни было.

Год спустя они оба добровольно разделили участь обреченного на гибель Робеспьера. Они не оставили его даже на пороге смерти.

После продолжительного молчания Сен-Жюст сказал, как бы отвечая своим мыслям:

— Не знаю, кому нужно больше отваги: революционному солдату или революционному законодателю? Первый воюет с людьми, второй — с заблуждениями и предрассудками. Но стоит поддаться слабости, и ни тому, ни другому не миновать гибели.

III

Прусская армия, в союзе с войсками других германских княжеств, не только взяла Майнц и нанесла тяжелое поражение республиканцам, но угрожала прорывом рейнского фронта. Если не остановить продвижение враги, ворота Франции на Рейне — Страсбург — будут открыты.

Комиссар Конвента Лакост находился в расположении дивизии, которой командовал генерал Гош, в горах Пфальца. Сен-Жюст и Леба остановились там на своем пути в Страсбург, в главную квартиру армии. Лакост, зная о недовольстве Конвента его деятельностью, встретил новых коллег потоком жалоб, чтобы предупредить упреки. Резервов у армии почти нет. Провианта и амуниции нехватает. Солдаты много месяцев без сапог. Теплой одежды нет, а зима на носу. Настроение войск подавленное. Среди генералов недовольство. Очевидно, Конвент не имеет ни малейшего представления о положении дел на Рейне.

Терпеливо выслушав эту иеремеяду, Сен-Жюст спросил: *Бредель*

— Есть ли в армии хоть один якобинец?

Лакост недоверчиво посмотрел на Сен-Жюста, почуяв подвох.

— Один? — повторил он. — У нас их много.

— Назови хоть одного.

Лакост задумался.

— Ну скажем, сержант Клод Ребу. Отличился в последнем бою.

— Его профессия? — спросил Сен-Жюст.

— Каменщик, если не ошибаюсь. Во всяком случае, чернорабочий.

— Хорошо, пришли его ко мне, — сказал Сен-Жюст.

Ординарец поскакал на розыски сержанта. Сен-Жюст засыпал Лакоста вопросами. Численность батальонов? Как организован обоз? Как ведет себя население? Установлена ли связь с патриотическими клубами Страсбурга и других эльзасских городов?

Потом он спокойно выслушал Лакоста.

Вошел ординарец и доложил: сержант Клод Ребу прибыл и ждет приказаний у входа. Штаб-квартира комиссара помещалась на мельнице, одиноко возвышавшейся на небольшом пригорке. Штаб бригады находился на ферме, в нескольких стах метров от комиссариата. Комиссары, все трое, сидели в просторных сенях мельницы.

— Пусть войдет, — сказал Сен-Жюст.

Это был на редкость рослый и мускулистый солдат, широкоплечий и большеголовый. Лицо у него было красное, припухлое, с глубоко сидящими круглыми глазками. Благодаря короткому приплюснутому носу, лицо казалось плоским. Космы волос свисали на жилистую шею. Синий мундир был разорван и не застегивался у ворота, открывая волосатую грудь. Полосатые канифасовые штаны санкюлота перетянуты веревкой из штанов выглядывали голые икры; ноги обмотаны тряпками.

— А где твоё ружье? — спросил Сен-Жюст.

— Сегодня черед моего товарища Ренэ, гражданин комиссар, — прохрипел сержант, явно не робея перед высоким начальством.

— Ружей нехватает. Одно ружье зачастую приходится на двоих, — объяснил Лакост.

— Ты из Парижа? — спросил Сен-Жюст сержанта.

— Да.

— Якобинец?

— Да.

— Приведи себя в порядок. Я хочу обойти лагерь. Ты пойдешь со мной.

— Слушаю, гражданин комиссар, — сказал сержант и стремительно бросился в дверь.

К Сен-Жюсту подошел штабной адъютант.

— Гражданин комиссар, генерал только что прибыл.

— Штаб близко, вон в том домике, — заметил Лакост.

— А почему комиссариат и штаб бригады в разных местах? — спросил Сен-Жюст.

Лакост не отвечал.

— Сейчас мне некогда, — сказал Сен-Жюст адъютанту. — Генерал может видеть меня в пять часов. — И, повернувшись к Лакосту, добавил: — Сначала хочу сделать обход.

IV

Странное впечатление произвели на солдат эти столь непохожие друг на друга представители республиканской армии. Хотя сержант у кого-то выпросил приличный синий мундир и прикрыл всклокоченную голову гвардейской шапкой с огромной трехцветной кокардой, но рядом с комиссаром в безупречно сшитом мундире, подпоясанном трехцветным шарфом, при шпаге, в добротных сапогах и с султаном на шляпе, он все же казался оборванцем. Сен-Жюст, далеко не щупленький, рядом со здоровяком-сержантом был похож на подростка. «Это что за принц?» — спросил один из солдат, показывая на комиссара. У иных солдат батальона не было мундиров на плечах, даже дырявых, они кутались в лохмотья. Другие ходили босиком. Так как не всех удалось расквартировать в деревне, многих разместили в овинах, среди полей, где в эти октябрьские дни разгуливал холодный ветер. Сен-Жюст заметил много угрюмых, недовольных лиц. Некоторые солдаты смотрели на него с нескрываемой враждебностью.

— Есть у вас в батальоне настоящие патриоты? — спросил он своего спутника.

— У нас много великолепных ребят!

— А враги республики — открытые или тайные — есть?

— Если есть, то самая малость... Враги засели в тылу.

— Бригадным генералом довольны?

— Малый не плохой. Молоденек ещё, горяч, но дело понимает. Конечно, ему легче, чем нашему брату.

— Почему легче?

Сержант замялся. Не хотелось говорить дурно о своем генерале. Он жалел, что и без того наговорил лишнего.

— Известное дело... на то он и генерал... потому и легче... Так оно и должно быть... Право слово, малый дельный... и не трус...

Сержант явно вилял.

— Послушай, мой друг, — сказал Сен-Жюст. — Я комиссар Конвента. Конвент выше твоего генерала. Ты обязан сказать мне чистую правду, всю правду, без утайки, без прикрас. Понятно?

— Как же, как же... — забормотал сержант, испугавшись горячности комиссара. — Известное дело, чистую правду... Разве я стану обманывать республику?

— Ответственность у него большая. Республика не дает спуска генералам.

— Совершенно справедливо... Я только хотел сказать, что жалованье ему идет хорошее и без задержек. Не то, что нам. И опять же довольствие — не нашему чета...

— Разве офицеры и солдаты получают довольствие не из общего котла?

— Как бы не так! — отвечал сержант. — Верней сказать, некоторые получают.

— Ваш генерал хороший республиканец?

— Известное дело, — отвечал сержант. — Иначе республика не назначила бы его генералом.

— Некоторые генералы стали плохими республиканцами впоследствии. Возьми хотя бы Кюстина или Дюмурье.^{vi}

— Это правда.

— Ты знаешь надежных патриотов, якобинцев?

— Да... Солдат или офицеров?

— И солдат, и офицеров.

— Еще бы! К примеру, марселец Рауль. Парень хоть куда, хороший товарищ, исправный солдат. Для него нет никого выше Робеспьера и Сен-Жюста. Когда убили Марата, он говорил нам о «друге народа». И как говорил!..

— Он знает Сен-Жюста?

— Еще бы! Он часто рассказывает о нем.

Подумав с минутку, сержант продолжал:

— Из офицеров лучший — Мелуа, Андре Мелуа из Прованса... За солдат горой... О Руссо нам рассказывает.

— Запиши мне имена на бумажке.

Из лачуги, мимо которой они проходили, донеслись шум и крики. Солдаты о чем-то ожесточенно спорили. Слышались яростные ругательства. Сен-Жюст замедлил шаг и прислушался.

— ... Он виноват, не спорю, но вы подло струсили, побросали оружие и дали тягу!

— Ври больше, сукин сын! Мы отступили; потому что таков был приказ самого генерала. Мы и не думали удирать. Может быть, вы удрали!

— Вы слышали? — завопил первый солдат.— Они и не думали удирать! Ну, это слишком! По их милости мы чуть было не остались без пушек!

— Ты знаешь, о чем они спорят? — спросил Сен-Жюст сержанта.

— Вечная история... В последнем бою один батальон бросил свои позиции. Хорошо, наш батальон пошел в контратаку, не то пруссаки захватили бы наши пушки. Они успели окружить холм, где стояла батарея.

Сен-Жюст вернулся из обхода около пяти часов. Он прождал до шести, но генерал не явился.

— Как зовут генерала? — спросил Леба.

— Гош, — отвечал Сен-Жюст, — Лазарь Гош.^{vii}

— Должно быть, он ждет, чтобы мы пришли к нему, — сказал Леба.

Сен-Жюст продиктовал секретарю следующий приказ:

«Генерал! Немедленно представьте объяснения неправильных действий вверенной вам бригады, в частности, оставления позиций одним из батальонов вашей бригады, вследствие чего бригадная артиллерия оказалась без прикрытия. Кроме того, срочно отдайте распоряжение, чтобы все офицеры, не исключая и штабных, были расквартированы вместе с солдатами и получали довольствие из общего котла».

Сен-Жюст прочел приказ, подписал его и добавил: «Комиссар Конвента». Затем подписался Леба. Потом они предложили Лакосту, сдав дела, отправиться в Париж, отчитаться в своей работе перед Конвентом.

В ту же ночь Сен-Жюст и Леба тронулись в Страсбург, где находилась главная квартира Рейнской армии.

V

В Страсбурге Сен-Жюста и Леба встретили представители штаба армии и поместили в живописном домике, близ площади Республики.

Сен-Жюст занял небольшую комнату с венецианским окном, и тотчас отправился к командующему армией.

Это был по-военному подтянутый, замкнутый и скупой на слова генерал с живым и острым взглядом. Однако, несмотря на самоуверенный вид, он проявил исключительное радушие. Слишком подчеркнутое, оно заставило Сен-Жюста насторожиться. Комиссары Конвента невольно вызвали мысль о гильотине, что было не по нутру многим генералам, навлекшим на себя недовольство Конвента.

^{vi} О Кюстине см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#custn>. О Дюмурье: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr>. См. также: Н.Коган, «Генералы-изменники перед судом парижского Революционного трибунала» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/generales_kogan.pdf).

^{vii} О Гоше: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#hoch>.

За обедом в главной квартире было произнесено немало любезных и бессодержательных речей. Расточалась хвала энергии Конвента, раздавались уверения в любви и преданности республике. Но все же в речах офицеров то-и-дело проскальзывало недовольство мероприятиями революционного правительства. Командующий армией в своей речи искусно обошел свои недавние неудачи.

Сен-Жюст зорко приглядывался к окружающим. Почти все офицеры были молоды, не старше его самого. Исключение составляли полковник-кавалерист и артиллерийский генерал.

При всем своем недоверии к военным, Сен-Жюст был убежден в преданности республике большинства командиров. Только незнакомство с истинным характером событий могло сделать их близорукими и колеблющимися. Сен-Жюст встал, отвечая на речи:

— Генерал и граждане офицеры! Если солдат говорит: «Плохое наше ремесло — убивать, но одно дело — война, а почему в тылу льется столько крови?», — то эти слова делают честь его человеколюбию. Но надо помнить, что гильотина — тоже оружие революции, направленное против ее врагов. Цель не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы победить. Когда республика борется не на жизнь, а на смерть, нельзя терпеть в наших рядах не только предателей, но и малодушных. Если враги народа умирают, то народ живет! Наша революция открыла народу новое, доньше неизвестное ему понятие, — счастье. Но бойтесь победы врагов народа, ибо этот день будет днем гибели народа. Вспомните: в 1788 году в Париже, по приказу Людовика XVI, было перебито восемь тысяч человек — мужчин, женщин, детей; сотни парижан были умерщвлены на Новом мосту и на улице Мелэ. Вспомните: двор имел обыкновение тайно вешать своих узников в тюрьмах, топить свои жертвы в Сене. Ежегодно пятнадцать тысяч человек погибало на виселице, три тысячи — на колесе. Четыреста тысяч узников томилось в подземельях. В Париже было больше тюрем, чем сейчас. Чтобы упрочить свою власть, монархия обогрилась кровью тридцати поколений, а когда народ, добившись освобождения, расправляется со сворой угнетателей и изменников» ему бросают обвинение в жестокости!

Сен-Жюст умолк, опершись на рукоятку шпаги и обводя взглядом офицеров. Генерал Пишгрю, встретившись с ним глазами, одобряюще закивал головой.

Сен-Жюст продолжал:

— Перед нами прусские и германские войска. Помните, что с того берега Рейна к нам взывают о помощи сотни тысяч несчастных, изнемогающих в тюрьмах и застенках. В немецких тюрьмах людей хоронят заживо. Не забывайте об этом никогда! Разве мы не должны поступать с приверженцами тирании так же, как зарубежные тираны поступают с приверженцами свободы? Нет места слабости! Непростительная, слабость уже стоила нам двухсот тысяч жизней в Вандее и чуть было не стоила Парижа.

Конвент послал Леба и меня в армию. Мы клянемся, что враг будет разбит. Если здесь есть еще предатели, малодушные или даже равнодушные, пусть знают: наш меч достигнет их повсюду. У нас с вами одна общая задача: победить во что бы то ни стало!

Офицеры вскочили с мест крича: «Да здравствует республика! Да здравствует Конвент!» — и бросились обнимать друг друга.

— Гражданин комиссар! — воскликнул молодой полковник, почти юноша, — передайте Конвенту, что мы, его солдаты, разгромим всех врагов республики!

Один из офицеров запел «Марсельезу». Остальные подхватили. Сен-Жюст подошел к юному полковнику и положил свою руку ему на плечо.

Allons enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arriv?!

Генерал Пишгрю отвел Сен-Жюста и поздравил с успехом его речи и осведомился, что нового сообщил ему Гош.

— Я его не видел, — ответил Сен-Жюст. — Разве Гоша не было в Верноне?

— Был, но, как видно, у него не нашлось для нас времени.

КОМИССАР РЕЙНСКОЙ АРМИИ

Авторизованный перевод с немецкого Я. Рецкера

* Вперед, сыны отчизны милой, мгновенье славы настает! (Перевод П. Антокольского.)

— Гм, — промычал генерал, в раздумьи почесывая подбородок. — Впрочем, это меня несколько не удивляет.

— Да? — спросил Сен-Жюст.

— Не удивляет. Видите ли, откровенно говоря... генерал сознает свою вину недавних неудачах армии... Но высокомерие его, не подобающее республиканцу...

— Так, так... — Сен-Жюст испытующе смотрел на генерала и подумал: «Норовит с больной головы на здоровую...» Лицо Сен-Жюста оставалось ему невозмутимым.

Потом он начал задавать вопросы:

— Генерал, в каком состоянии армия? Обеспечен ли Страсбург продовольствием? Надеюсь, «неудачи» больше не повторятся, и Страсбург будет снабжен продовольствием и на случай осады? Очищен ли Эльзас от прусско-австрийских агентов? Что представляют собой офицеры вашего штаба?

Генерал едва успевал озабоченно кивать головой.

Обидно — так удачно начавшаяся встреча заканчивалась градом щекотливых вопросов! Он взял Сен-Жюста под руку и увлек его из комнаты. Разгуливая вместе с комиссаром взад и вперед по коридору, генерал сделал подробный доклад.

Поздно ночью, когда комиссары вернулись на квартиру, Сен-Жюст продолжал думать о генерале и его попытке свалить вину на одного из подчиненных. И он сказал Леба:

— Не нравится мне этот генерал.

— И мне тоже, — подхватил Леба. — Какая наглость: не принять нас!

Сен-Жюст изумленно посмотрел на него.

VI

На следующее утро Сен-Жюст рано вышел из дому. На улицах Страсбурга, по пути к интендантским складам, комиссар встречал много горожан, прекрасно одетых и обутых. Но в съестных лавках было явное оскудение. Должно быть, продажа съестных припасов производилась по норме, а крупные запасы хранились на складах. Нелегкое дело — обеспечить Страсбург продовольствием на случай продолжительной осады! Только в одном сообщении генерала были неутешительны. В Страсбурге, как и во всем Эльзасе, никто не занимался вылавливанием агентов иностранных держав и врагов республики. За последние недели были задержаны только двое подозрительных, но и тех выпустили якобы за недостатком улик. Между тем, ни для кого не было тайной, что в Страсбурге скрывается немало врагов революции. «Нужны крутые меры, — подумал Сен-Жюст. — Не искоренив врагов в рядах армии и в тылу, нельзя одержать победу на фронте».

Сен-Жюст подошел к интендантским складам, внушительному зданию на набережной. Перед запертой дверью стоял часовой. Сен-Жюст велел вызвать караульного начальника, но оказалось, что караульное помещение находится в центре города. Тогда он спросил, имеются ли у часового ключи и, получив утвердительный ответ, приказал отпереть склад. Прочитав комиссарский мандат, часовой повиновался и ввел Сен-Жюста через узкую боковую дверь. Он зажег фонарь и хотел было сопровождать комиссара. Сен-Жюст напомнил ему: часовой не имеет права покидать свой пост.

В первом этаже Сен-Жюст нашел несколько мешков с зерном. Вспугнутые летучие мыши, шумно хлопая крыльями, закружились над его головой. Он поднялся по винтовой лестнице на второй этаж. На втором этаже — ничего. Только несколько ящиков. На третьем этаже — зияющая пустота! На четвертом — кипа стеганых одеял. Одеяла — на продовольственном складе! Сен-Жюста бросило в жар от злобы. Солгал, нагло солгал!.. Он поднялся на чердак. Опять ничего, если не считать разбросанных по полу порожних мешков. «Склад полон зерна до самой крыши», — заявил вчера генерал. Арестовать негодяя! Сен-Жюст спустился вниз, потушил фонарь, отдал часовому ключи и вернулся в город. Придя в ратушу, он спросил мэра. Но мэра не оказалось на месте. Узнав, что его требует к себе комиссар, чиновник рысью побежал к мэру на квартиру.

Страсбургский мэр примчался, подвязывая на ходу трехцветный шарф. Извиняющимся тоном, с низкими поклонами, он начал объяснять, что разбирался дома, без помехи, в особо важных делах. Но, несмотря на обремененность делами, он всецело к услугам гражданина комиссара.

Сен-Жюст оборвал его на полуслове и ледяным тоном спросил:

— Сколько аристократов разгуливает у вас на свободе?

Мэр испугался до полусмерти.

— Аристократов? — запнулся он. — Но ведь они... они... сидят в Кобленце,

— А у вас их нет?

— О, я не смею ручаться.

— Сколько зажиточных граждан укрывается в стенах Страсбурга, под защитой республиканской армии? — продолжал спрашивать Сен-Жюст.

— Не так уж много... Война, революция, реквизиции, сами понимаете... Нет, нет, не так уж много.

— Несколько тысяч наберется?

— Может быть, может быть...

— Как работает муниципалитет?

— Не скажу, чтоб без заминок, — промямлил мэр, — но все-таки, в общем... в общем работает...

— Очень плохо работает.

Мэр, сухопарый человек лет сорока с лишним, исключительно высокого роста, стоял нагнувшись: должно быть, по привычке иметь дело с людьми ниже себя ростом.

С искаженным от страха лицом он слезливо забормотал, заверяя, что приговор слишком суров, что он лишь недавно удостоился благодарности от генерала, что он на хорошем счету в якобинском клубе, что у него жена и дети...

Брезгливо поморщившись, Сен-Жюст повернулся к нему спиной и вышел.

Вместе с Леба, который к тому времени успел осмотреть укрепления, Сен-Жюст написал донесение Конвенту:

«Страсбургский муниципалитет работает из рук вон плохо. Мы постараемся наладить снабжение города. Дисциплина в армии расшаталась вследствие попустительства командного состава. Принимаем меры, чтобы покончить с этим. Армия нуждается в немедленном пополнении. Нужны две тысячи человек кавалерии в двухнедельный срок. Для того чтобы победить, армии необходим подлинно республиканский полководец, проникнутый уверенностью в победе. Такого полководца мы найдем».

Командующему армией генералу Пишгрю комиссары написали:

«Генерал, на страсбургском интендантском складе нет ничего, кроме нескольких мешков с зерном и тюков одеял. Приказываем: для обеспечения снабжения армии в недельный срок наполнить амбары зерном до самой крыши. Ответственность за выполнение данного приказа возлагается персонально на вас».

На третий день своего пребывания в армии комиссары опубликовали воззвание к солдатам Рейнской армии, составленное Сен-Жюстом в дороге. Они издали также приказ о формировании комиссии по борьбе с врагами революции в тылу. Они обратились с письмом к якобинскому клубу в Страсбурге, указывая на плохую работу муниципалитета и рекомендовали выбрать нового, более энергичного мэра.

Страсбургскому муниципалитету они направили следующий приказ:

«В армии десять тысяч босых солдат. Приказываем: разуть всех страсбургских аристократов и завтра, не позже 10 часов утра, доставить 10 000 пар сапог в штаб армии».

Затем комиссары решили: Сен-Жюст отправится на фронт, а Леба останется в Страсбурге — наблюдать за выполнением распоряжений.

VII

Пруссаки вторглись в Пфальц, стремясь изолировать Страсбург и захватить весь французский берег Рейна. Республиканская армия, значительно уступавшая численностью прусской, под нажимом противника отступала на многих участках фронта.

Таково было положение, когда Сен-Жюст прибыл на фронт. Командующий армией генерал Пишгрю раньше его присоединился к своим войскам. Сен-Жюст явился в штаб и потребовал созыва военного совета. Пишгрю, информировав подчиненных о положении, предложил отступить до самых Вогез, не теряя контакта с неприятелем, чтобы в горах, вдали от оперативных баз врага, перейти в наступление и уничтожить его.

Сюртук Сен-Жюста — символ гражданской революционной власти, — скромно выделялся на фоне ярких синих и красных мундиров, блестящих золотом галунов и нашивок. Офицеры сгрудились вокруг большого стола, на котором были разложены карты. Кое-кто уже намечал маршрут для дальнейшего отступления. Армия действовала тремя отдельными корпусами, приспособившая свою тактику к тактике врага, наступавшего из-за Рейна тремя колоннами.

Сен-Жюст высказался против предложения командующего армией:

— Перейти в наступление и уничтожить врага — да! Но не в Вогезах, а здесь. Ни шагу назад! Стянуть все три корпуса в единый кулак и нанести удар.

— Враг почти вдвое сильнее нас, — возразил генерал Пишгрю. — Артиллерии у них втрое больше.

Внешне невозмутимый, генерал с немалым трудом сохранял спокойствие перед этим зарвавшимся комиссаром, который, как известно, ни черта не смыслит в военном деле и всего несколько дней находился в армии. И с сердцем прибавил:

— К тому же наши силы распылены; одна бригада, например, осталась в Версбурге.

— Ваша вина, генерал.

Пишгрю побледнел. Это прозвучало как приговор революционного трибунала. Слово «вина» прямым путем вело на гильотину. Сен-Жюст повернулся к офицерам:

— Каково ваше мнение, граждане офицеры? Не объединить ли нам все свои силы, чтобы разбить врага на самом угрожаемом участке фронта? Затем мы перенесли бы удар на вторую неприятельскую армию и уничтожили бы и ее. Только так можем мы победить. Генерал говорит, что враг сильнее нас. Тем меньше мы имеем права распылять свои силы.

— Армии тиранов побеждают только числом, армии свободы — своим духом.

Сен-Жюст взглянул на произнесшего эти гордые слова. Это был совсем молодой генерал. Разделенные пробором волосы длинными прядями падали на затылок. Большие глаза были устремлены на комиссара.

— Так это вы генерал Гош?

— Да, Гош, Лазарь Гош, гражданин комиссар. — Лукавые огоньки плясали в глазах генерала. На полных губах играла довольная улыбка. Сен-Жюст впился в него холодным взглядом. Так вот он каков, этот генерал, посчитавший ниже своего достоинства явиться к представителям Конвента! Не слишком ли много спеси для республиканского командира? Не слишком ли мало осторожности по отношению к Конвенту? Генерал и комиссар мерили друг друга глазами, Сен-Жюст спросил:

— Так вы за наступление?

— Безусловно!

— Я тоже, чорт возьми! Пора наконец начать драку. всю жизнь ненавидел эти рачьи маневры! — воскликнул артиллерийский генерал Сушо, из кадрового офицерства армии Бурбонов.

— Каково же ваше мнение, генерал? — повернулся Сен-Жюст к командующему армией.

Тот сообразил, что не следует настаивать на своей точке зрения; чего доброго, этот холодный фанатик, которого свалил на его голову Конвент, не остановится перед тем, чтобы отрешить его от командования армией. Да еще, пожалуй, рискуешь нарваться на грубости в присутствии подчиненных. И генерал пустился в рассуждения, лавируя и виляя, не говоря ни да, ни нет. Когда он окончил длинную и пустую речь, Сен-Жюст повторил:

— Так что же вы предлагаете, генерал?

— Я несу ответственность, — с усилием выдавил тот из себя.

— Разделим ее пополам, — сказал Сен-Жюст.

Все столпились вокруг оперативных карт. Враг наступал тремя колоннами своего второго корпуса. Правое крыло республиканской армии, к которому принадлежала застрявшая в Версбурге бригада, было разбито на мелкие группы. Но левое крыло, расположенное на холмах, господствовавших над равниной, занимало очень выгодную позицию. Положение центра, лишённого естественного прикрытия, было неблагоприятно. Батальоны расположены среди голой равнины; отступление с тыла преграждено рекой. Сен-Жюст, не будучи военным, с первого взгляда оценил всю невыгодность позиции, занимаемой армией.

— Кто командует левым крылом? — спросил он.

Отозвался молодой генерал Гош.

— Вы избрали превосходную позицию, генерал, — произнес Сен-Жюст, не глядя на Гоша.

Было решено произвести перегруппировку. В Версбург поскакал ординарец с приказом командиру бригады немедленно выступить на соединение с основными силами для подкрепления правого фланга. Нужно было собрать в кулак распыленные силы. Лихорадочное оживление главного штаба сообщилось армии. Офицеры и солдаты, узнав о предстоящем сражении, усердно готовились к бою.

Пруссаки почуяли опасность. Озадаченное прусское командование решило, что французы получили большие подкрепления, и приостановило свое продвижение. Опасаясь внезапного нападения, пруссаки принялись укреплять походный лагерь. На следующее утро обе армии стояли друг против друга, и каждая ждала атаки со стороны противника.

А от бригады из Версбурга все еще не было никаких известий. Концентрация на правом фланге не могла быть закончена. Затребованные из Страсбурга две тысячи человек подкрепления тоже еще не прибыли. Сен-Жюст вынужден был согласиться на отсрочку наступления до окончания перегруппировки войск. Он несколько раз обошел весь лагерь, обращаясь с краткой речью к частям.

Перед ним вырос сержант Клод Ребу.

— Запахло порохом, гражданин комиссар! Сержант улыбнулся, как старому знакомому. Появление в их армии комиссара — одного из самых выдающихся якобинских вождей — сильно подняло дух республиканских войск.

— Да, пора задать перцу пруссакам.

— Правильно, гражданин комиссар. И, по-моему, давно пора. Жаль только, что не все так думают... Я хочу сказать, иные сомневаются в успехе.

— Кто сомневается? — спросил Сен-Жюст.

— Наш офицер, Франсуа Легран. Он говорит, это безумие. У пруссаков вдвое больше сил.

— А что говорят солдаты?

— Солдаты... те говорят другое. Пусть их будет хоть втрое больше, а мы их все-таки поколотим. Вот что они говорят.

— Смотри в оба за твоим офицером, сержант.

— Слушаю, гражданин комиссар.

На обратном пути Сен-Жюст издали увидел перед главным штабом три большие, покрытые парусиной крестьянские телеги. Любопытство заставило его ускорить шаг. Навстречу показался генерал Пишгрю:

— Гражданин комиссар, это вы распорядились о присылке 10000 пар сапог?

— Да, генерал.

— Сапоги прибыли.

— Хорошо, распорядитесь, чтоб их немедленно роздали солдатам.

В комнату вбежал ведавший обозом офицер и, вне себя от радости, закричал:

— Десять тысяч пар! Десять тысяч пар сапог! Изумительно! Уму непостижимо!

— Чтобы с завтрашнего дня я больше не видел в армии ни одного босого! — воскликнул Сен-Жюст.

— Еще бы, еще бы! — отозвался начальник обоза. — Десять тысяч пар! Сегодня раздадим!

Сопровождавший телеги сержант вручил Сен-Жюсту письмо от Леба.

«Любезный друг Антуан, — писал тот. — Пришлось повозиться немало, но дело сделано. 10000 пар сапог в вашем распоряжении. Попутно мы прихватили до тысячи пальто, которые, я полагаю, тоже пригодятся на фронте. Мы разослали по городу несколько десятков патрулей. Они заходили в богатые дома и разували всех хлыщей, которые предпочитают воевать, сидя дома. Представь себе, у одного лекаря нашли шестнадцать пар сапог. Одну пару мы ему все-таки оставили. Можешь ругать нас за мягкотелость, не мы, республиканцы, никак не можем побороть в себе человечности...».

Сбоку была приписка мелким почерком: «Генриэтта жалуется на тебя и шлет тебе привет. Черкни женщинам хоть пару строк, жестокосердый человек!»^{viii}

Сен-Жюст засунул письмо в карман и повернулся к Пишгрю, который все время молча наблюдал за ним.

— Генерал, вызовите лейтенанта 4-го батальона Франсуа Леграна, — сказал Сен-Жюст.

Генерал отдал распоряжение ординарцу, искоса поглядывая на комиссара. Какой-то дьявол! Его нужно бояться, как огня. Генерал успел секретно навести справки, не привез ли Сен-Жюст переносной гильотины, как это делали комиссары Конвента в Вандее. Просто дьявол! За сутки достал из-под земли 10000 пар сапог! Нагнал страху ни пруссаков. Перевернул всю стратегию! Надо держать с ним ухо востро.

Вошел лейтенант Легран.

— Вы меня звали, генерал?

— Вас хочет видеть гражданин комиссар.

Сен-Жюст поднял взгляд на лейтенанта, стоявшего перед ним навтыяжку, с шляпой в руке. У него было совсем юное, надменное и холерное лицо.

— Вы давно в армии, лейтенант?

— Три года.

— Откуда родом?

— Из Руана.

— Кто ваш отец?

— Адвокат.

— Республиканец?

— Так точно. Член руанского муниципалитета.

— Вы говорили солдатам, что наступать — безумие? Что у пруссаков вдвое больше сил? Да или нет?

— Да.

— Почему?

— Потому что я в этом убежден.

— Так-то вы подымаете дух республиканских солдат перед боем? Офицер молчал.

— Вы хотите нашего поражения?

— Нет, я хочу, чтобы солдаты знали правду.

— Солдаты знают правду. Да, у пруссаков вдвое больше сил, чем у нас. Но в этом не вся правда. Правда и в том, что несмотря на численное превосходство неприятеля, мы его все-таки разобьем.

Лейтенант молчал.

— Или в этом вы не убеждены? — спросил Сен-Жюст.

— Нет.

Сен-Жюст встал и подошел вплотную к лейтенанту:

— Вы хотите служить республике? И не верите в победу? Нет, вы недостойны чести сражаться в рядах республиканской армии!

— Генерал! — воскликнул лейтенант, — Я не обязан переносить оскорбления! Я не позволю...

---

^{viii} См., напр., по страницам романа А.Левандовского «Кавалер Сен-Жюст» (http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/SJ_femmes.htm) и Дж.Б.Мортон. Сен-Жюст и Анриетта Леба (из книги Morton J.B. Camille Desmoulins and other studies) (http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/SJ_femmes.htm#morton).

— Лейтенант! — громко произнес Сен-Жюст. — Именем республики вы арестованы. Отдайте вашу шпагу.

Офицер побледнел. Он смерил комиссара враждебным взглядом, потом вынул шпагу и протянул ее генералу.

Сен-Жюст позвал часового.

— Гражданин комиссар, — сказал шопотом перепуганный генерал, после того как лейтенанта увели, — это один из моих лучших офицеров.

Сен-Жюст ответил не сразу. Он задумчиво глядел на генерала.

— Это был ваш лучший офицер! У республики найдутся и получше.

VIII

Повидимому, пруссакам стало известно, что французская армия не получила подкреплений: они открыто готовились к наступлению. Сен-Жюст предложил предупредить их и наутро завязать бой. Скверно, правда, что версбургская бригада до сих пор не прибыла; все были убеждены, что она подоспеет до рассвета.

Вечером была проведена боевая тревога — по настоянию Сен-Жюста — в полной тайне. Чтобы ввести в заблуждение врага, солдаты расположились кучками у бивуачных костров и горланили народные и походные песни.

В ночь накануне сражения Сен-Жюст не ложился спать. Его видели то в одном, то в другом батальоне. Не доверяя генералам, он хотел собственными глазами убедиться в том, как выполняются его распоряжения.

Забрезжил рассвет, а бригада не подходила. Генерал предложил еще раз отсрочить атаку и выжидать, следя за поведением врага. Но Сен-Жюст не хотел об этом и слышать. Он вызвал генерала Гоша и старого кавалерийского генерала Латерра. Вместе с командующим армией они разработали план и назначили срок атаки.

— А теперь, — сказал Сен-Жюст, — я выведу навстречу бригаде и приведу ее кратчайшим путем.

Утро было сырое и холодное. Сен-Жюста пробирала дрожь. Он поднял в коня на галоп, и свежий ветер засвистал в его ушах. На мгновение обаяние пробуждавшейся природы подчинило его себе: несмолкаемый гомон птиц, недалекий крик петухов, сверкающая зелень лесистых склонов, умиротворяющее спокойствие необъятных полей. Но очарование рассеялось, и Сен-Жюстом вновь овладели сомнения и тревога.

Чем дальше он отъезжал от армии, тем больше ему становилось не по себе. Он настоял на переходе в наступление, и, конечно, ответственность лежит на нем не наполовину, а целиком. Неудача на фронте, если она произойдет, вызовет новые интриги фрондеров в Конвенте и затруднит положение Робеспьера в Комитете общественного спасения. Все недовольные, завистники, болтуны, сгруппировавшиеся вокруг Дантона, будут ликовать и злорадно потирать руки...

Но только ли завистники и недовольные? Нет, тут пахнет заговором!.. И может быть, в нем замешан не один генерал?.. Может быть, и этот лейтенант Лэгран?.. Или сам Пишгрю? Ведь участвовал же Дюмурие в жирондистском, а Лафайет — в роялистском заговоре!

Сен-Жюст вынул из-за пояса часы. До начала атаки осталось двадцать минут. Приказ о выступлении послан бригаде позавчера. Еще накануне она могла бы присоединиться к армии. Всюду предательство, равнодушие, саботаж... Преданный республике генерал не станет мешкать, зная, что от своевременной переброски его войск зависит исход операции. В нем закипело бешенство. Армия кишит предателями и саботажниками. Очень может быть, что эти негодяи поддерживают связь с парижскими заговорщиками... Раздавить их беспощадно!.. Полумеры равносильны самоубийству.

Сен-Жюст въехал в деревушку. Кое-где над крышами вился дымок. Но, кроме старухи-крестьянки, с высокой соломенной корзиной за спиной, кругом не видно ни души. Он карьером проскакал через деревню. По правде говоря, было легкомыслием пускаться в дорогу одному... Хорошо бы иметь подле себя этого сержанта... Только на простых людей и можно еще положиться. Проклятье! Если он не сразу разыщет бригаду, сражение произойдет без ее участия... У неприятеля восемьдесят тысяч, у нас тридцать пять... Стоят ли эти тридцать пять восьмидесяти?

В кармане у Сен-Жюста лежало письмо Генриэтты. Прочитав это письмо, он в испуге поспешил его спрятать. Она писала, что хочет приехать повидаться с братом... Что ей делать здесь? Но разве он мог написать, чтобы она оставалась в Париже?

Миновав большую деревню, Сен-Жюст увидел на опушке леса солдат. Они расположились на привал. Пылали бивуачные костры; ружья были составлены в пирамиды, как снопы. Бригада! Должно быть, она стоит здесь лагерем еще с вечера. Он подъехал к палатке, над которой развевался штабной значок.

— Убирайтесь вон! — донесся голос из палатки. — Как вы смеете мне указывать? Запугать меня хотите?

— Я заклинаю вас, гражданин генерал, — послышался другой голос, — тотчас распорядиться о выступлении. Как я слышал, нас ждут, на нас рассчитывают. Я умоляю вас, генерал...

— Вон, вон! — голос захлебнулся в крике. — Я вас арестую... расстреляю!

Сен-Жюст медленно соскользнул с седла и, тяжело ступая, вошел в палатку.

Бригадный генерал занимался утренним туалетом и сердито поднял глаза на нахала, который осмелился войти без доклада. Но при виде застывшего, точно оледеневшего лица Сен-Жюста, ругательство замерло у него на губах. Он понял, что появление комиссара не предвещает добра.

— Вы командир бригады?

— Да, я.

— Вы получили приказ присоединиться с вашей частью к армии до рассвета? Не так ли?

— Это оказалось невыполнимым.

— Вы боялись не выспаться?

— Солдаты нуждаются в отдыхе.

— А вы кто? — Сен-Жюст повернулся к молодому офицеру невысокого роста, стоявшему в палатке.

— Лейтенант Морис, гражданин комиссар. Адьютант генерала. Я пытался убедить его ускорить выступление...

Сен-Жюст подошел к лейтенанту:

— Приказываю вам: во-первых, арестовать вашего бывшего командира; во-вторых, не позже чем через два часа прибыть с бригадой на поле сражения. Понятно?

— Так точно.

Лейтенант Морис кликнул часового и приказал увести своего бывшего начальника. Потом он велел штабному горнисту трубить сбор.

— Вы очень торопились выполнить приказ!

— Генерал утверждал, что наши продолжают отступать, что нам нет никакого смысла спешить.

Не прошло десяти минут, как вся бригада выстроилась в полном походном порядке.

Сен-Жюст на коне, рядом с лейтенантом появился перед фронтом войска и, привстав на стременах, громко крикнул:

— Солдаты республики! Вот уже два часа, как ваши братья сражаются с пруссаками. Если вы подоспеете вовремя на поле битвы, — в четырех часах пути отсюда, — то победа будет в наших руках. Я арестовал вашего генерала за то, что он не выполнил приказа республики. Я приказал вашему новому командиру — лейтенанту Морису — не позже, чем через два часа, прибыть с бригадой на поле сражения. Можете ли вы проделать за два часа четырехчасовой переход? Помните — от этого зависит победа!

Солдаты, слушавшие Сен-Жюста, опершись на ружья, сорвали с себя шапки, надели их на штыки и, размахивая в воздухе ружьями, ответили дружным криком:

— Да здравствует республика! Да здравствует Конвент!

— Прикажете трубить выступление, лейтенант, — сказал Сен-Жюст.

IX

Прибытие бригады спасло республиканскую армию от верного поражения. После первого натиска республиканцев неприятель перешел в контратаку и отбросил республиканский центр.

Если бы войска правого фланга не ринулись в атаку с холма и не вынудили пруссаков бросить против них свои главные силы, то, по всей вероятности, дело закончилось бы еще утром поражением французов. Позже, нащупав слабость республиканского левого крыла, пруссаки не замедлили изменить направление удара. Ожесточенный бой не прекращался до самой ночи. То здесь, то там дрались врукопашную. Французские батальоны отходили к реке. У них кончились боеприпасы. В расчете на дальнейшее отступление патронный пункт загнали далеко в тыл.

В этот критический момент и появилась бригада из Версбурга. При виде свежих республиканских резервов пруссаки дрогнули. Французы стали драться с удвоенной энергией. Сен-Жюст приказал немедленно перейти в контратаку. Удалось остановить натиск врага, но не больше. Подоспевшая бригада устала, проделав форсированный марш, и не смогла разбить превосходных сил противника. С наступлением ночи, когда стихла орудийная и ружейная пальба, две армии, как и утром, стояли друг против друга. Французы за день потеряли часть позиций в центре и на левом фланге.

Ночью, на совещании в штабе, Сен-Жюст ознакомился с диспозицией. Наибольшая опасность угрожала центру. В ближнем тылу войск протекала река, единственный узкий мост был перекинут через нее. Из-за отсутствия патронов нечего было и думать о немедленном возобновлении боя. Сен-Жюст предложил переправить армию на другой берег. Офицеры его поддержали. Саперный батальон получил приказ за ночь навести мосты.

Республиканская кавалерия не участвовала в бою. По какой причине? Генерал Пишгрю объяснил Сен-Жюсту, что кавалерия служила резервом центра. Ее задача: прикрывать центр в случае, если бы ход сражения вынудил к переправе.

Сен-Жюст сообщил об аресте бригадного генерала и предложил утвердить на его посту лейтенанта Мориса.

Выступил генерал Гош:

— Когда положение центра стало угрожающим, я отдал приказ атаковать противника с фланга. Капитан Виллетан блестяще выполнил возложенную на него задачу. Со своими драгунами он опрокинул два прусских батальона, захватил около сотни пленных и вражеское знамя. Прошу достойным образом отметить его заслугу.

— Республика умеет ценить храбрых и преданных офицеров, — отвечал Сен-Жюст. — Я отошлю знамя в Париж и уведомя Комитет общественного спасения.

Поздно ночью, когда армия, выставив сторожевое охранение, погрузилась в сон, Сен-Жюст сел писать предварительное донесение Конвенту. Нарочный, который должен был отвезти письмо и знамя, ждал у входа в палатку.

«Шлем Конвенту знамя, отбитое во вчерашнем сражении у пруссаков капитаном 11-го драгунского полка Эмилем Виллетаном. Кроме того, он взял около ста пленных. Сражение кончилось вничью. Силы неприятеля исчислялись 80000 прусских и германских солдат; у нас не было и 40000. Пришлите пополнение в 10000 человек, и мы разобьем врага наголову. Мы стараемся исполнить свой долг».

После того как нарочный с эстафетой и знаменем ускакал, Сен-Жюст от правил второго гонца в Страсбург. Он обязал Леба немедленно провести всеобщую мобилизацию и в трехдневный срок прислать на фронт 2000 человек.

Потом он плашмя бросился на койку. Но, несмотря на нечеловеческую усталость, не мог уснуть... Они были на волосок от поражения. С рассветом нужно отвести армию за реку... Будут ли готовы мосты?... Мосты... мосты...— сверлило его мозг. Он не доверял командующему армией. Приказал ли он навести мосты? И если приказал, то выполняют ли его приказ?

Сен-Жюст вскочил с койки, оделся, пристегнул шпагу и направился к штабной палатке. «Генерал давно спит», — сказала часовая. Пошатываясь от усталости, Сен-Жюст спустился к реке. Над почерневшей водой дрожало пламя факелов. Из темноты доносились приглушенные крики. Подойдя ближе, Сен-Жюст увидел солдат, волочивших бревна; другие, стоя по пояс в воде, вколачивали сваи.

Пройдя немного по берегу, он повернул назад. В палатке Сен-Жюст, не раздеваясь, лег на койку. Когда, наконец, ему удалось уснуть, уже занимался новый день.

X

На следующее утро пруссаки сделали попытку помешать отступлению французских войск. Тогда республиканская кавалерия, не принимавшая участия во вчерашнем деле, стремительным и яростным ударом опрокинула атакующие батальоны пруссаков и обратила их в беспорядочное бегство. Переправа через реку прошла без помех и в полном порядке.

Между тем рекрутские комиссии, разъезжая по стране, производили набор. Из Парижа стали прибывать первые партии снаряжения, но пополнений все не было. Северная армия несла большие потери, и военный министр Карно слал резервы ей.

Начала работать специальная комиссия, созданная, по совету Сен-Жюста, страсбургским якобинским клубом для очистки тыла от врагов республики и подозрительных. Страсбургские якобинцы провели мобилизацию 2000 человек. Первые восьмьсот рекрутов, частью вооруженные, прибыли в штаб армии. Началось обучение их. Пруссаки снова забили тревогу, боясь атаки.

Сен-Жюст решил сформировать ударные батальоны. Набор солдат и офицеров в эти части он поручил сержанту Клоду Ребу. Трудно было найти лучшего для этой цели человека, чем этот старый служака, проделавший кампанию 1792 года и сражавшийся на полях Вальми под знаменами Келлермана. У кого другого был такой наметанный глаз? Теперь на сержанте был новый синий мундир и высокие ботфорты, снятые им с убитого прусского офицера. На его шишковатой голове красовалась медвежья шапка французского гвардейца, а в зубах неизменно дымилась короткая трубка. Преисполненный сознанием важности своей миссии, он расхаживал взад и вперед по лагерю, подсаживался к солдатам и офицерам, заговаривал с ними, когда у него возникали сомнения, и записывал избранных в свою книжечку. Ему оказывали не меньше почтения, чем самому генералу. Каждый, кого он заносил в свой список, чувствовал себя так, как если бы получил высокое отличие.

С того дня, когда у Сен-Жюста произошло столкновение с генералом Гошем, они больше не встречались, если не считать совещания в штабе накануне боя. Казалось, они не хотят знать о существовании друг друга.

Но в сражении, которое едва не привело к роковой развязке, генерал Гош отличился, блестяще оперируя на левом фланге. Во-время вводя в дело свою кавалерию, он каждый раз заставлял пруссаков бросать на его участок все новые и новые резервы. Сен-Жюст решил было заставить этого не в меру прыткого генерала склониться перед авторитетом Комитета общественного спасения. Теперь, отдав должное его боевым качествам, он не поспешил на похвалы в своем донесении Конвенту. О строптивости Гоша умолчал: с этимон сумеет справиться собственными силами!

Вместе с генералом Пишгрю Сен-Жюст тщательно обследовал местность. Подковообразно спускавшаяся к реке гряда холмов с трех сторон замыкала долину. Сен-Жюст предложил тактический план, отвечавший профилю местности. Нужно расположить войска на высотах, а центр армии отодвинуть глубину долины, чтобы завлечь пруссаков на этот берег и затем зажать их в тиски с трех сторон. Пишгрю пытался возражать. Затребованные у Конвента подкрепления еще не прибыли. У восьми пушек нет орудийной прислуги. Кроме того, к югу от Страсбурга перешел через Рейн и вторгся в Эльзас целый корпус баварцев и вюртембергцев.

— Тем важнее теперь же разбить пруссаков на нашем участке, — возразил Сен-Жюст, — чтобы уничтожить в этот новый корпус.

В тот же день Сен-Жюст отправил спешного гонца в Страсбург, требуя к себе Леба: Сен-Жюст все меньше доверял командующему армией.

Однажды Сен-Жюст отправился в бригаду генерала Гоша. Тень улыбки промелькнула по лицу молодого генерала, когда он поднялся, чтобы приветствовать вошедшего в палатку комиссара. Сен-Жюст снял шляпу с султаном и присел на деревянные козлы.

Он искоса поглядывал на стоявшего перед ним генерала в ярко-синем мундире с широкими красными отворотами, на его белые нанковые штаны, туго облегающие икры, и на высокие светло-желтые ботфорты. Потом беглым взглядом окинул его лицо, открытое, свежее и гордое, без тени враждебности и лукавства.

Сен-Жюст вспомнил слова Робеспьера: «Республике нечего бояться ни роялистов, ни священников, ни даже внешних врагов. Она должна бояться лишь победоносных генералов. Нужно неустанно напоминать генералам; что они лишь исполнители воли нации, лишь ее рука, но не глава...».

— Только благодаря вам, генерал, — сказал Сен-Жюст, — мы избежали разгрома в последнем сражении.

— О нет, гражданин комиссар, только благодаря вам. Не подоспей в последнюю минуту эта бригада...

— Бригада пришла слишком поздно; вернее, она могла бы придти слишком поздно... Но чем вы объясните, — продолжал Сен-Жюст, — что генерал Пишгрю не нашел нужным ввести в дело кавалерию? И что патронные повозки стояли в трех милях от поля сражения?

Генерал Гош, прежде чем ответить, подумал немного, потом медленно произнес, отчеканивая слова:

— Он боялся за свой центр. И не без оснований. Мало радости иметь у себя в тылу реку без переправ. Кавалерия была его последней ставкой. Все это очень просто... Что же касается патронных повозок, то это... ошибка или... непредусмотрительность...

— За неимением других данных, будем считать это непредусмотрительностью.

— Гражданин комиссар, — Гош подошел на шаг к Сен-Жюсту, — гражданин комиссар, республиканский генерал должен быть полноправным гражданином. Генерал тоже человек. И генералу свойственно ошибаться. Военачальник, облеченный всей полнотой ответственности, не застрахован от случайных неудач. Республика никогда не найдет преданных военачальников, если будет держать над головой каждого генерала нож гильотины!

— Вы оправдываете Дюмурье и Кюстина?

— Я не оправдываю предателей. Но ошибка — еще не предательство.

— Стало быть, ошибка помешала Кюстину отстоять Майнц? — с язвительной усмешкой спросил Сен-Жюст.

— Тяжкое упущение. За это он заслуживал смещения, но не смерти.

— Генерал, вы закрываете глаза на положение республики.

— Напротив, я не закрываю глаз ни на что.

— Перед нами только одна задача — победить.

— И эту задачу — не так ли? — нам вчера не вполне удалось решить? — не менее язвительно ответил Гош.

Глаза Сен-Жюста как бы застыли. Холодно и невозмутимо он смотрел на этого сумасброда. Он пришел сюда, надеясь сблизиться с генералом. В нем родилась настойчивая мысль: выдвинуть генерала на пост командующего армией вместо Пишгрю. А Гош позволяет себе нападать на революционный трибунал и защищать предателей, преступных генералов! Сен-Жюст выпрямился:

— Остерегайтесь своего языка, генерал.

В устах комиссара Конвента угроза была почти равносильна смертному приговору. Но молодой генерал отвечал невозмутимо и даже весело:

— Гражданин комиссар, я исполняю свой долг, и моя совесть чиста.

Сен-Жюст вышел из палатки.

Он дрожал от волнения. Это случалось с ним очень редко. Максимилиан прав: в каждом генерале сидит мятежник, предатель. Сен-Жюст не даст им спуска: он будет карать их беспощадно.

Но Гош?.. Сын солдата и прачки, бывший конюх. В 1792 году — сержант, а в 1793-м — генерал!

В палатке ждал Леба.

— Как хорошо, что ты приехал! — воскликнул Сен-Жюст, приветствуя друга. — Всюду измена. Ни одного генерала, искренно преданного республике! Как хорошо, что ты здесь! Предстоит работа! И какая работа!

XI

Пруссаки форсированным маршем подошли к реке, преследуя отступавшую республиканскую армию, и в двух местах переправились на другой берег. Французы сожгли за собой мосты, но в реке плавали бревна, из воды торчали сваи: пруссаки без особого труда наладили переправы.

Сен-Жюст наблюдал за передвижениями противника с ближайшего холма, на котором республиканцы установили Артиллерию. Чтоб убедить прусское командование в непрекращающемся отступлении французских войск, отдельные республиканские части демонстративно продолжали отход в глубину долины. Но армия непоколебимо стояла на окрестных высотах. Было приказано ее задерживать единичных разведчиков противника, и не раз целые батальоны маскировались перед одним прусским сонным патрулем.

Сержант Клод Ребу тайно переправил через реку, под прикрытием холмов, полбатальона отборных солдат и зашел с ними в тыл неприятелю.

Капитан Эмиль Виллетан со своими драгунами укрылся в засаде. Генерал Гош по-прежнему командовал левым флангом, лейтенант Морис — правым. Центр был в подчинении у командующего армией. Задания распределены. Сигналом к атаке должен послужить Артиллерийский залп.

Назначенный час атаки приближался. Сен-Жюст ощутил тревогу: что если день пройдет, а главные силы неприятеля не успеют переправиться? Наступил полдень, густые массы пехоты непрерывным потоком еще валили через пост. Чем шире развертывались вражеские силы между правым и левым флангами республиканцев, тем реальней становилась опасность: пруссаки могли разрезать республиканскую армию на две части. Нужно действовать засветло. С другой стороны, начав атаку преждевременно, когда главные силы неприятеля еще находятся на противоположном берегу, нельзя наверняка рассчитывать на победу.

Несмотря на томительную тревогу» Сен-Жюст держал себя в руках. Окружающие дивились его спокойствию и выдержке. В полевой бинокль он следил за передвижениями неприятеля. Увидев на другом берегу приближающуюся к реке артиллерию, он глубоко и радостно вздохнул. Точно гора свалилась с плеч! Он посмотрел на часы. Скоро час. Осенний день недолог. Скорей, навстречу победе! День на исходе, скоро стемнеет. Но... приходится ждать...

На мосту показались первые пушки пруссаков. Их тащили саперы; канониры переправлялись через реку вплавь на лошадях. Оставались считанные минуты. И вдруг с того берега донеслась ружейная пальба: все громче и громче. Должно быть, враг наткнулся на республиканскую засаду. Довольно медлить! Сен-Жюст вскочил. Его бросало в дрожь. Он осмотрелся, но, увидев на себе взгляды офицеров, вмиг успокоился и с улыбкой подал сигнал командующему артиллерией.

Грянул залп орудий с вершины холма. И сразу же, словно эхо, отозвались орудия с других высот. В промежутках между залпами из-за деревьев и кустов доносился оглушительный треск ружейной стрельбы. Застигнутые врасплох, пруссаки заметались в панике, и три пушки обрушились в реку. В неопишуемой сумятице сбившиеся в кучу люди давили друг друга. Артиллерийские лошади, разорвав построения, врезывались в гущу беглецов. Трубы горнистов оглашали своими отчаянными воплями долину; им как бы вторил грохот орудий.

Сен-Жюст хотел выждать, пока вся неприятельская армия будет охвачена паникой, и, бросив на врага драгун, двинуть в атаку республиканскую пехоту. Но пришлось расплачиваться за нетерпение: республиканцы не дождались переправы всей вражеской артиллерии через реку. Оставшиеся на противоположном берегу батареи открыли огонь по холму. Их ядра наносили мало вреда, но действия артиллерии подняли дух и боеспособность пехоты. С поразительной быстротой начали восстанавливаться расстроенные ряды прусских частей, и вот уже несколько батальонов, с ружьями наперевес, устремились вверх по холму. Но тут с противоположного берега донеслась ожесточенная ружейная пальба. Это ударили из засады молодцы сержанта Ребу. Прусские канониры бросили свои орудия и обратились в бегство.

Прусская артиллерия замолчала. Республиканские драгуны вынеслись из лоцины и хлынули в долину. До самых верхушек холмов взметнулся тысячеголосый крик «Vive la Republique!» — «Да здравствует республика!».

Сен-Жюст покинул наблюдательный пост и побежал к пехоте, которой командовал лейтенант Морис. Лейтенант встал во главе боевой колонны, выхватил саблю из ножен и крикнул: «Да здравствует республика!». Солдаты ответили дружным криком. Сен-Жюст подбежал к нему, тоже с обнаженной саблей в руке, и воскликнул:

— Солдаты республики! Наш внезапный удар увенчался успехом. Ряды врага поколеблены. Вперед, в атаку! Уничтожим наемников королей! Да здравствует республика!

И опять грянуло тысячеголосое: «Да здравствует, республика!».

Французы с ружьями наперевес бросились вслед за генералом и комиссаром в долину. Паника в рядах врага уравнивала силы сражавшихся. Тысячи прусских солдат металась в беспорядке по полю. Многие бросали оружие и сдавались. Но части, еще сохранившие стойкость, оказывали отчаянное сопротивление. Отдельные группы, построившись в каре, застыв в немом ожидании, готовы были штыковым ударом отразить наступающих.

Республиканцы шли в атаку, распевая «Марсельезу». Там, где первым натиском не удавалось опрокинуть ошестинившиеся штыками каре, республиканцы, разделившись на мелкие группы, поражали их убийственным огнем.

В пылу сражения Сен-Жюст перебежал от одной части к другой, стараясь связать действия всех подразделений и помешать хаотическому потоку вражеской армии захлестнуть республиканских солдат. Ружейная пальба в тылу у врага становилась все громче и громче. Стреляли батальоны генерала Гоша. Если оба крыла республиканской армии соединятся, враг будет разбит наголову.

Пруссаки огромными массами валили к реке, ища спасения на другом берегу. Тысячи убитых и раненых усеяли поле. Чтобы пробиться вперед, люди набрасывались друг на друга. Офицеры, размахивая саблями, бросались в гущу солдат, не для того, чтобы повернуть их на врага, но чтобы проложить себе дорогу на спасительный мост. Между тем засевшие у переправы в засаде несколько сот республиканских солдат отбили у неприятеля две пушки и открыли по сбившемуся на мосту людскому потоку ружейный и артиллерийский огонь.

Над долиной, перекрывая грохот канонады, пронесся ликующий крик: левый фланг республиканцев соединился с правым флангом. Во главе одной из колонн Сен-Жюст увидел генерала Гоша. Без шляпы, с разорванным воротом, он шел, сжимая в руке пистолет, и, полуобернувшись, выкрикивал команду. Его длинные волосы развевались по ветру. При виде комиссара он остановился в изумлении: впервые видел комиссара Конвента, ведущего в атаку солдат.

Сен-Жюст направился к нему.

— Скорей к реке! — крикнул он.

Генерал Гош медленно приблизился. Подойдя к Сен-Жюсту вплотную, сказал:

— Мне кажется, я был к вам несправедлив, комиссар.

— Нет, — возразил Сен-Жюст, — это я был несправедлив к вам.

И он почувствовал руку Гоша на своем плече. Еще миг — молодой генерал и молодой комиссар заключили друг друга в объятия.

Сен-Жюст высвободился и крикнул:

— Скорей к реке! — и прибавил: — Исполним сегодня наш долг, генерал!

Гош повернулся лицом к солдатам и, показывая своим пистолетом направление, крикнул:

— К реке! Сбросим пруссаков в реку!

XII

Республиканская конница преследовала отступающего в беспорядке врага. Пехотинцы в изнеможении растянулись на земле. О сне никто не думал: все были слишком возбуждены боем и победой. Кое-где, у бивуачных костров, раздавались песни. На поле битвы передвигались одинокие фигуры санитаров, подбиравших раненых.

Драгуны захватили прусского офицера. В нем опознали бывшего республиканского командира. Его привели к Сен-Жюсту.

Пленный был тяжело ранен: сабельным ударом ему раскроило череп от левого уха до лба. Кровь, стекавшая тонкими струйками по щекам, залила весь мундир. Он, повидимому, сильно страдал: лицо искажено мукой, в глазах безумный страх.

Сен-Жюст приказал вызвать фельдшера. Раненого уложили на койку в палатке комиссара.

Почти не взглянув на пленного, Сен-Жюст сел за срочный рапорт Комитету общественного спасения. Серьезный и невозмутимый, сидел он, склонившись над столом из неоструганных досок. Но слова, выходявшие из-под пера, дышали радостным волнением.

«Граждане коллеги, — писал он, — мы одержали победу. Враг разбит. Каждым из солдат руководила личная храбрость. Артиллерия действовала превосходно. В данную минуту генерал Гош, во главе нашей кавалерии, преследует остатки вражеской армии. Генерал Гош проявил отвагу подлинного республиканца и выдержку опытного полководца. Я намерен, с вашего согласия, передать ему командование армией. Генерал Пишгрю обнаружил полную свою непригодность. Храбрейшим из храбрых был в нынешнем бою сержант Клод Ребу, герой Бастилии, боец Вальми. С ударной группой республиканских стрелков он уничтожил вражескую артиллерию. Как видите, мы сдержали свое слово: враг разбит. Но мы не успокоимся, пока не истребим его.

Salut et fraternité?! Сен-Жюст».

Пришедший фельдшер перевязал пленного офицера, который стонал от боли, но не потерял сознания. Сен-Жюст протянул пленному свою походную флягу. Тот приник к ней жадными губами. Едва заметным знаком Сен-Жюст приказал фельдшеру удалиться. Оставшись наедине с раненым, он спросил:

— Теперь вам лучше?

Офицер молча кивнул головой.

— Вы перебежали к врагу не по собственной инициативе. Вас заставили; не так ли?

Пленный опять кивнул головой.

Вопрос был задан наудачу, но попал в цель.

— Как вас зовут?

— Шарль Эпине.

— Откуда вы родом?

— Из Валансьена.

— Кто вас послал к врагу?

— Генерал Дильон.

— А здесь вы поддерживали связь с генералом Пишгрю?

— Нет.

— А с лейтенантом Франсуа Леграном? Тоже нет?

— С ним... Да.

Из груди раненого, неподвижно лежавшего на койке, с шумом вырывалось дыхание. Его лихорадочный взгляд был неотрывно устремлен на Сен-Жюста. На лице, наполовину закрытом повязкой, выступил холодный пот. Зубы выбивали дробь. Лицо его постепенно покрывалось восковой бледностью.

Еще тверже Сен-Жюст спросил:

— Итак, Франсуа Легран. А еще кто?

По губам умирающего пробежала дрожь. Блестящие глаза, по-прежнему устремленные на Сен-Жюста, застыли.

— Кто еще? — почти крикнул Сен-Жюст.

— Капитан Сушо...

— А еще? Еще?..

Сен-Жюст схватил умирающего за плечи и потряс. — Кто еще?..

— Капитан Сушо...

Сен-Жюст заметался из угла в угол. Два шага вперед, два назад, два шага вперед, два назад... Если пленный умрет, не назвав всех участников заговора, они останутся в армии и будут продолжать свое разрушительное дело предательства и саботажа.

Сен-Жюст смотрел на изменника, который вытянулся на койке с раскрытым ртом и хрипел. Подойдя к умирающему, Сен-Жюст приподнял его голову, и, почти коснувшись губами его лица, настойчиво прошептал:

— Кто еще? Кто еще?

Тот не мог произнести ни звука. Голова его бессильно запрокинулась назад; изо рта вырвалась пена. Сен-Жюст опустил его на подушки.

В палатку вошел штабной офицер, Сен-Жюст поднял глаза:

— Что случилось?

— Гражданин комиссар, сержант Клод Ребу убит во время налета на вражескую батарею.

Сен-Жюст смотрел невидящими глазами... Клод Ребу, герой Бастилии, боец Вальми, убит!.. Капитан Кандьяк тоже убит... И капитан Эмиль Виллетан тоже... Много патриотов пало в этом бою...

Сен-Жюст взял со стола лист бумаги. Список, составленный сержантом... Сколько храбрецов, перечисленных здесь, заплатило своей кровью за победу?.. Как пополнит республика поредевшие ряды? Где найдет она таких же беззаветно преданных, таких же отважных бойцов?..

Офицер все еще стоял посреди палатки возле раненого. Взглянув на койку, Сен-Жюст увидел труп.

— Прикажите убрать умершего.

Офицер удалился.

На рассвете в палатку стремительно вошел генерал Гош. Вид Сен-Жюста поразил его. Комиссар сидел за столом перед оплывшей свечой, печальный и мрачный, с широко раскрытыми глазами. Доложить о преследовании неприятеля? — Гош раздумал и протянул комиссару пакет:

— Из Парижа. Гонец искал вас в авангарде.

Сен-Жюст взял пакет, вскрыл его и начал читать. Письмо от Робеспьера. Первое письмо со времени отъезда!.. «Ты поведешь Рейнскую армию к победе. Покончив с этой задачей, ты без промедления отправишься в Северную армию, которая терпит поражения исключительно по милости предателей. Когда ты сообщишь, что дело идет на лад, Комитет пошлет тебе официальное поручение... Я часто думаю о тебе... От всей души желаю тебе успеха...».

У Гоша было для Сен-Жюста еще два письма. Леба сообщал ему о тайной подрывной работе бывшего иезуита, общественного обвинителя при Страсбургском революционном трибунале Эвлогия Шнейдера, который не только позволяет распоясываться агентам Питта и Кобурга, но и поддерживает их махинации^{ix}. И в этом письме была приписка личного характера. Леба писал другу, что к нему в Страсбург приехали жена и сестра и что они хотят поскорей увидеться с Сен-Жюстом.

Сен-Жюст еще читал, когда в палатку вошел запыхавшийся от быстрой езды адъютант генерала. Пишгрю сообщал о том, что пруссаки предлагают прислать парламентариев для ведения переговоров о перемирии.

Сен-Жюст встал:

— Передайте генералу, что республика не вступает в сделку с врагом. Она посыпает ему лишь свою ненависть и свинец.

Адъютант вышел из палатки. Сен-Жюст приблизился к Гошу.

— Генерал, Конвент направляет меня в Северную армию.

— Прекрасно, гражданин комиссар. Нам нужна победа на Северном фронте.

— Вы знаете капитана Сушо, генерал?

— Да, он служит в артиллерии.

— Вы очень устали?

— Нет, гражданин комиссар.

— Пойдемте со мной. Мне надо о многом с вами поговорить, о многом расспросить...

Утренняя свежесть охватила их...

Они стали спускаться к реке. На берегу солдаты рыли братскую могилу.

Вилли Бредель

КОМИССАР РЕЙНСКОЙ АРМИИ

Авторизованный перевод с немецкого Я. Рецкера

Vive Liberta и Век Просвещения

Великая французская революция, 2003

^{ix} Утверждение как минимум не доказанное. См. о Эвлоджии Шнейдере: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#schneider>.